

Игорь ТЕРЕХОВ

Писатель, журналист, кинодраматург. Автор восьми книг, многих публикаций в российской литературной периодике. Победитель седьмого международного литературного фестиваля «Славянские традиции» (2015) в номинации «малая проза», финалист литературной премии «Русский Декамерон».

Более 20 лет проработал собкором по Северному Кавказу ряда центральных изданий. В настоящее время – редактор РИА «Кабардино-Балкарья».

ГОЛОС В НОЧИ

Рассказ

До тех пор, пока люди верили в дьявола, всё происходящее представлялось ясным и понятным. Теперь, когда никто в него больше не верит, каждому событию приходится искать своё объяснение...

Чоран

Той осенью меня выгнали с работы, что, впрочем, для меня было не впервые. За мою полувековую жизнь меня несколько раз выгоняли с работы, и всякий раз это случалось почему-то осенью. Словно те люди, которые принимают решение о вашей отставке, живут по календарю древних славян или иудеев, у которых год начинается осенью. Приходит осень, наступает новый год, а с ним и желание начать все с начала, переориентировать издание, сделать его более доступным для широких масс, повысить тираж, да и, чего скрывать, поддержать партию власти.

А для этого надо сначала сменить главного редактора, не желающего шагать в общем строю, не замечавшего происходящих в стране и регионе позитивных перемен и постоянно показывающего на страницах издания кукиши сильным мира сего. Нормальная позиция акционеров, их можно понять, особенно если принять во внимание, что партия власти контролирует все их легальные расчетные счета в банках и нелегальные в офшорах.

Но на этот раз так совпало, что одновременно с работой меня выставили еще и из дома. Тоже понять можно: усталость друг от друга, нервы, алкоголь, постоянные стычки и выяснение отношений. Хуже всего было то, что кризис наших отношений пришелся на послеотпускной период, когда мы только что возвратились из Хорватии, где надеялись обрести, как говорят в фильмах, второе дыхание. Оказавшись на улице с полу-

пустыми карманами, с чемоданом в одной руке и связкой книг в другой, я вынужден был скитаться по знакомым.

Разумеется, идеальным выходом из подобной ситуации могла бы стать карьера классического бомжа, обретающегося под старым мостом через реку, где по вечерам собирается колоритная компания. Но к такому повороту в судьбе я еще не был психологически готов. Кроме того, мне не раз доводилось иметь дело с настоящими бичами, и я хорошо знал, что жизнь на свежем воздухе хороша только в теплое время года. А осенью, тем более, на зиму профессиональные бичи подыскивали себе какое-нибудь теплое местечко – уборщика помещений, дворника, подсобного рабочего или такелажника, желательно с койкой в общежитии и талонами на обед в рабочей столовой.

Но это все было, как вы сами понимаете, во времена омерзительного, удушающего свободу личности и свободу слова тоталитарного режима. В нынешние времена сказочной свободы и благоухающей демократии бомжи уже не чинились, за работу дрались, за место дворника или грузчика в универсаме запросто могли и убить, а о талонах в столовую приходилось только мечтать.

Хорошо ещё, что не все знакомые сразу отворачиваются от вас, когда вы утрачиваете свой социальный статус. Если еще вчера многие горожане дорожили приятельством с вами, пересказывали ваши фразы и диатрибы, рассказывали в своем кругу, что виделись с вами, передавали услышанные от вас новости и слухи, то теперь при случайных встречах изображали крайнюю степень занятости и торопились перейти на другую сторону улицы. Иные даже забывали на прощание пожать протянутую им руку.

Но обижаться за это на народонаселение было бессмысленно. Ведь еще Паскаль говорил, что милосердие – явление чрезвычайное, а вовсе не присущее всем качество. Тем более, когда вы оказываетесь в положении изгоя не впервые, и знаете, что это долго не прятанется, через какое-то время о вас вспомнят во влиятельных кругах и предложат новую работу, а вместе с работой вернется прежнее положение и куча старых приятелей и знакомых. Тогда уж многие из них, завидев вашу фигуру на бульваре, будут переходить с солнечной стороны улицы на теневую, чтобы только пожать вам руку, немного поболтать или перехватить до зарплаты пару тысяч, поскольку местные работодатели имеют обыкновение надолго задерживать месячные выплаты.

Что же касается свалившейся на голову бездомности, то она тоже не была для меня в новинку. Впервые я покинул отчий дом в юности, отправившись покорять столицу, и следующие пять лет провел в общежитии, сперва в комнате на четырех человек, а последние годы – в боксе на двух. Второй раз в положении бездомного оказался после окончания университета, когда призвали в армию, и несколько лет пришлось скитаться по дальним гарнизонам, жить в офицерских гостиницах, солдатских казармах или глинобитных постоянных дворах. Позже я уходил от первой жены, переезжал в другие города, и даже какое-то время работал за границей. Имея за плечами такой многогранный опыт, мне совершенно

не составляло никакого труда сняться с насиженного места. Для этого наготове всегда был так называемый тревожный чемоданчик, куда при необходимости складывался парадный костюм, несколько рубашек и десяток галстуков, позволявших постоянно оживлять наряд, создавая на новом месте впечатление наличия богатого гардероба.

Гораздо труднее было с книгами. С ранних лет, совершенно незаметно, у меня развились пагубная для малобюджетного существования привычка обрасти огромным количеством книг. То были поэтические сборники, всевозможные словари, собрания сочинений русских классиков, романы и рассказы зарубежных авторов, исторические труды, энциклопедии, альбомы по живописи и географии, литературные журналы и альманахи.

Довольно часто перебираясь с одного места жительства на другое, я пришел к выводу, что вовсе не обязательно иметь в личной библиотеке все книги, входящие в круг твоего чтения. Скажем, зачем таскать с собой тяжелые тома русской классики, когда в любой мало-мальски приличной городской библиотеке они найдутся в полном ассортименте, разве что не в тех изданиях, к которым ты привык. А с появлением интернета, литературных и научных сайтов, а затем и электронных книг отпала необходимость в хранении дома словарей, научных трудов, энциклопедий и тем более популярной беллетристики, читаемой в очередях, метро либо на сон грядущий. Теперь при переездах я возил за собой только несколько редких поэтических сборников да пару любимых книг по философии, которые можно было перечитывать по несколько раз, всякий раз обнаруживая не замеченные при раннем чтении интересные мысли, а то и целые пассажи.

Так что все, что у меня теперь оставалось из личной собственности – это дорожный чемоданчик да относительно небольшая связка книг. А весь свой личный архив – опубликованные статьи, рукописи, заметки, памятки и прочее, – я хранил во всемирной Сети на различных почтовых серверах. Разумеется, в списке предметов первой необходимости современного интеллигентного бича непременно должен присутствовать ноутбук или планшет. Ведь если раньше странники заявляли, что их родина там, где им тепло и сытно, то теперь принято считать, что твой дом там, где твой компьютер подключен к интернету. У меня, слава Богу, был небольшой, но очень мощный ноутбук, который легко помещался в тревожном чемоданчике. Таким образом, когда в некогда уютном доме, который за прожитые в нем годы я привык считать своим, мне указали на дверь, мне не составило большого труда взять в руки свои пожитки и отправиться в свободное плавание по морю житейскому, как любили говорить старые писатели.

Первое время я надеялся пожить у своих друзей. Но когда вы в одночасье теряете заметную должность и хорошую квартиру в престижном районе города, что-то странное начинает происходить и с вашими друзьями. Многие из тех, с кем вы еще недавно пировали, и кто клялся вам чуть ли не в любви до гроба, теперь или не отвечают на звонки с вашего

мобильного номера, или говорят, что сейчас очень заняты и перезвонят потом, но потом просто отключают свой телефон. И все же мне не хотелось бы огульно обвинять людей в равнодушии, способности быстро забывать сделанное им добро, умении держать нос по ветру. Я отлично понимал, что у каждого человека есть незамутненное сознание, чистая душа, светлый разум, собственное мнение, наконец, а вот они-то бывают настолько подвержены незаметному радиоактивному влиянию общественного мнения, аппаратных веяний, досужих слухов и намеков, что человек и сам порой не замечает, как переменяет свои взгляды или мнение, казавшиеся ему еще вчера незыблемыми, на противоположные. А когда случайно заметит случившуюся с ним метаморфозу, старается ее логически или психологически обосновать.

Можно было, конечно, какое-то время пожить в гостинице. Прошли, слава Богу, те времена, когда нельзя было снять номер в гостинице своего города, ибо это представлялось чем-то порочным или связанным с противоправной деятельностью. Однако те небольшие средства, что еще оставались у меня, не предполагали роскошной жизни на полном пансионе. Точнее, они позволили бы прожить пару недель в гостинице средней руки, но потом пришлось бы перемещаться либо в городскую богадельню, либо на свалку за городом. Если, конечно, за это время не решился бы вопрос с моим трудоустройством или не поступил бы достойный гонорар из какого-нибудь столичного издательства. Но на это было наивно рассчитывать, так как одни неприятности имеют особенность притягивать к себе всевозможные другие. Не зря картежники утверждают, что мизеры ходят парой.

В общем, после нескольких недель ночевок в домах с холодно-сдер-жанным гостеприимством я осел в квартире столяра Циммерова в старом доме в районе городского рынка. Когда-то я помог Циммерову отстоять его небольшую столярную мастерскую, на которую положил глаз хозяин центрального рынка, возмечтавший превратить ее еще в одну торговую точку. Малообразованный столяр Циммеров, в отличие от многих так называемых интеллигентных людей, которые в ответ на оказанную им помочь обычно требуют все новых и новых преференций, а когда вы по каким-либо причинам не можете продолжить свои благодеяния, мгновенно забывают о вас, оказался человеком твердых нравственных правил, умеющим помнить и ценить добро. Он поселил меня в комнате своего сына, уехавшего учиться за границу, и даже предоставил некий пансион в виде дармового ранневечернего ужина в кругу своей семьи, что было в то время для меня совсем нелишним.

Старый трехэтажный дом, в котором обитало семейство Циммеровых, был, как они говорили, довоенной застройки. Теперь зачастую в приватных беседах, когда кто-нибудь произносит фразу, что, мол, это случилось еще до войны или после войны, часто можно услышать уточняющий вопрос: до какой войны, ведь столько войн, пусть и не знаменитых, не мировых, а, как принято сейчас говорить, локальных, случилось на нашем веку. Однако, глядя на это строение, покрытое не сверкающим в

хорошую погоду ондулином или потемневшим шифером, а обесцвеченной дождями и солнцем древней черепицей, вопрос, о какой войне идет речь, можно было не задавать. Одного взгляда на дом было достаточно, чтобы понять, что он был построен до второй мировой войны с немцами и с тех пор не знал капитального ремонта.

В квартире скрипели не только половицы и петли дверей, но и оконные рамы. Однако это не вызывало у меня, как, впрочем, и у самих хозяев, неприятных ощущений, наоборот, придавало некий шарм ежедневному бытию, напоминало о старинных усадьбах и замках, навевало литературные аллюзии, чего напрочь лишиены современные квартиры с евроремонтом и дизайнерской планировкой зон отдыха и приема пищи.

И еще в этой квартире порой слышались непонятные звуки, которые казались мне забытыми голосами живших здесь прежде людей. Стоило вам войти в ванную или, извиняясь, заглянуть в уборную, как явственно слышалось, что за дверью кто-то ходит, скребется в нее или пробегает по коридору, доносились неразличимые голоса, ведущие непонятные диалоги или монологи. А если вы резко открывали дверь в ночной коридор, то голоса сразу смолкали, и было слышно только, как в темной кухне бегают по обоям тараканы, а в углу шуршит мышонок Mayus.

Мне даже как-то пришло на ум сочинить рассказ о старой квартире, в которой слышатся непонятные голоса, и новый жилец пытается установить с ними связь, чтобы понять, что раньше происходило в этих стенах. Но один очень продвинутый молодой коллега из дружественной редакции как-то рассказал, что был такой голливудский фильм, герояня которого, звукорежиссер по профессии, раскрывает убийство своей матери, записав шумы в ее опустевшем доме и расшифровав их с помощью аппаратуры в своей звукозаписывающей студии. Что ж, многие хорошие идеи буквально носятся в воздухе, но только в Голливуде научились из воздуха извлекать деньги.

Неприятности в новой среде обитания начались с осенними дождями: в квартире стал протекать потолок. Для борьбы с коммунальной стихией у семейства Циммеровых имелся целый набор тазиков, кастрюль и баночек, которые устанавливались в местах протечек. Сам же глава семейства в такие дни карабкался по деревянной лестнице на чердак и прикрывал полиэтиленовой пленкой дыры в черепице, а также аварийные участки чердака над своей фатерой. Но сопутствующие осенним дождям бури и штормовые порывы ветра знали свое дело не хуже старого столяра, и после очередного циклона в квартире открывался новый филиал всемирного потопа. Новый – потому что из-за перманентной борьбы с протечками вода начинала низвергаться с потолка каждый раз в новом месте.

Когда в гостевой комнате дождевой поток выбрал своей мишенью стопку книг, поставленных мною у изголовья кровати, я был дома и успел быстро эвакуировать книги в безопасное место, а под пробившийся с потолка ручеек подставить выданный мне для борьбы со стихией китайский эмалированный тазик с красочным изображением джонок на Желтой реке. А затем чтобы больше не подвергать опасности единственное оставшееся

у меня богатство, распихал свои книги по пустотам книжного шкафа укавившего за знаниями циммеровского студента, не особо при этом вдаваясь в их соответствие принятым здесь библиографическим классификациям и предпочтениям.

Опорожнив несколько раз тазик, я заметил, что дождь начал стихать. Размеренное постукивание капель сперва по днищу тазика, а затем по скапливающейся в нем воде разморило меня. Выключив горевший над головой ночник, я накрылся с головой верблюжьим одеялом и дал себе слово не засыпать до тех пор, пока тазик не наберется доверху водой, чтобы успеть его опорожнить. Но работа дождевого метронома и приятное тепло колючего покрывала взяли верх над неосторожно данным словом, и вскоре я уже отправился в обломовское путешествие по нашему городу, приобретшему в онирических видениях черты готического града.

Разбудил меня настойчивый стук в дверь. Продрав глаза и вскочив на ноги, я первым делом автоматически заглянул в тазик – он был наполнен не более чем на две трети и поверхность воды больше не рябилась. Дождь за окном либо совсем прекратился, либо пошел под другим углом, не захватывающим прореху над потолком моей комнаты. Стук в дверь повторился.

Я пошел открывать дверь. На пороге комнаты в одних кальсонах и нижней рубашке стоял старик Циммеров.

- Борис Всеиводович, ты не забыл на ночь выключить телевизор?
- Я его вообще не включал! К тому же довольно редко смотрю!
- А откуда же это?
- Что?
- Послушай…

Сбросив с себя остатки сна, я услышал в меру громкий, металлический голос, отрешено произносивший: «Вся история идей – это история обид! Жаль, что мы не можем вернуться во времена, когда книгам не чинили помехи газеты и телевидение!».

Телевизор я не включал уже несколько дней, ноутбук был зачехлен, других приборов, за исключением письменного прибора на столе, в комнате не было. Между тем, неизвестный голос продолжал: «Любое произнесенное слово причиняет мне боль. А ведь как было бы приятно послушать, например, рассуждения цветов о смерти!».

Озираясь в поисках источника звука, я каким-то краем сознания на мгновение вообразил немецкую машину-пеленгатор, медленно передвигающуюся по готическому городу в поисках радиопередатчика «Красной капеллы», и тут же обнаружил, что слова вылетали из старого книжного шкафа. Открыв дверцу допотопного книгохранилища и чувствуя себя под взглядом Циммерова гестаповской ищейкой, я пробежал взглядом по книжным полкам и каким-то животным чувством понял, что в комнате звучали «Горькие силлогизмы» французского философа румынского происхождения Чорана.

Стоило мне только снять книгу Чорана с полки, как в комнате установилась концертная тишина. Дабы удостовериться в своей правоте, я возвратил взятый томик на прежнее место, и мы услышали новый книж-

ный экспромт: «В этой комнате кошмар является единственным способом трезвомыслия!».

— Это что, аудиокнига? — спросил старик Циммеров.

— Нет, обыкновенная книга! Напечатанная московским издательством...

— А почему тогда она кричит?

— Не знаю! Может быть, сошла с ума!

— Я никогда не слышал, чтобы книги сходили с ума. Что от книг сходят с ума, слышал, а наоборот — нет!

— Мне тоже пока не доводилось сталкиваться с подобным явлением!

Но исключать его полностью нельзя. Всякое возможно в наше время! Особенно в такое время года, когда постоянно идет дождь, холодно, и к тому же протекает крыша! Мы-то еще можем как-то продержаться, выпить стопку-другую, укрыться теплым одеялом, а книге-то, представляете, каково? Ведь под этим картонным переплетом на тонкой бумаге сконцентрировано большое количество горьких и нежных чувств, дерзновенных мыслей, слов любви и доверия к людям. Им-то каково? Что их может сейчас согреть? Такая книга запросто может сбрендить!

— Ты, Борис Всеолодович, больше ее в шкаф не клади! А то разбудим весь дом!

— Я ее укрою на своей груди!

— Спокойной ночи, Борис Всеолодович!

— И вам приятных сновидений!

Разумеется, никто не собирался спать с книгой Чорана на груди. Но все же она не была отправлена обратно в шкаф, а положена ко мне под подушку, чтобы в случае новых выходок можно было предпринять preventивные меры по еенейтрализации.

Но ночь прошла на удивление спокойно. Книга молчала, как и положено молчать всякой нераскрытым книге. А мне больше не снились привычные кошмары, связанные с различными версиями маршрутов путешествий по собственному подсознанию.

Разбирая утром постель, я обнаружил под подушкой книгу Чорана. И, все еще полусонный, не озабочившись даже вспомнить о ночном происшествии, машинально поставил ее обратно в книжный шкаф. И сразу же с полки, как из проигрывателя, послышался уже знакомый металлический голос:

— Только поверхностные мыслители обращаются с книгами и идеями деликатно!

— Это ты, вещь, мне говоришь?

— Только поверхностные мыслители обращаются с книгами и идеями деликатно!

— Ты меня имеешь в виду?

— Только поверхностные мыслители обращаются с книгами и идеями деликатно!

— Что ты заладила одно и то же, как заезженная пластинка? Больше ничего нет в репертуаре?

— Только поверхностные мыслители обращаются с книгами и идеями деликатно!

Пришлось снова вытащить ее из шкапа. В комнате сразу наступила тишина, и можно было спокойно идти умываться.

Придя домой в обеденный перерыв вкусить свой гороховый суп, старик Циммеров первым делом прошествовал к моей двери. Услышав его деликатный, но настойчивый стук в дверь, я встал из-за компьютера.

— Ну что, кричит? Или уже успокоилась? — спросил Циммеров, переступая порог.

— Молчит с утра! Правда, пришлось убрать ее из шкапа.

— А ты, Борис Всееволодович, положи ее обратно. Как говорится, в порядке эксперимента!

— Что ж, давайте попробуем.

Стоило мне только поставить книгу на полку и закрыть дверцу, как в комнате раздался уже знакомый нам голос:

— Всё живое производит шум! Только минералы хранят многозначительное молчание!

— Упорная, зараза! И говорит, как вещунья, — удовлетворенно крякнул Циммеров. — Вынимай ее обратно, Борис Всееволодович!

Пока я открывал шкаф и протягивал руку к полке, говорливая книжонка успела выдать еще одну сентенцию:

— Книга, которая разрушил всё, сама не разрушается, не должна вызывать у вас гнева!

— И умная к тому же! — уважительно покачал головой Циммеров. — Все понимает!

— Кто тебе сказал, что мы гневаемся? Мы просто в недоумении, — произнес я, поглаживая книгу по переплету.

Она в ответ промолчала.

— А позволь, Борис Всееволодович, полюбопытствовать, кто автор этого, с позволения сказать, произведения? — спросил старик Циммеров.

— Покойный французский философ румынского происхождения Эмиль Мишель Чоран. Всю жизнь очень неуютно чувствовавший себя в этом лучшем из миров!

— Оно и видно, что румынского происхождения! У нас здесь в войну тоже румыны стояли, никому покоя от них не было! Тащили все, что под руку подвернется! Вороватая народность! — поделился своими наблюдениями столяр, и добавил: — Знаешь, Борис Всееволодович, пойдем-ка лучше перекусим чем Бог послал. Как говорится, хорошая мысля приходит опосля. Опосля обеда!

Перед супом старик Циммеров попросил свою хозяйку, как он величал жену, налить нам по стопке водки. Закусывали ее зеленым луком.

— Нормальный ход! — констатировал столяр, прислушавшись к тому, как приживается в организме огненная жидкость.

После чего надолго замолчал, сосредоточившись исключительно на ритмичной работе ложкой. Глядя на него, невольно подумалось о том,

что неологизм «рубать», в смысле принимать пищу, обязан своему происхождению столярам, привыкшим иметь дело с рубанком.

— Я вот что надумал, Борис Всееволодович, — проговорил старик Циммеров, отодвигая от себя чистую тарелку, — у меня есть знакомый врач, я ему делал обстановку для кабинета. Деликатные предметы пришлось соорудить. Так вот, пусть он осмотрит нашу больную! И вынесет свое компетентное заключение!

Врач оказался жизнерадостным толстячком с лукавой полуулыбкой человека, знающего истину в последней инстанции, но предпочитающего упаковывать ее в разные обертки и дозы в зависимости от кошелька и положения клиента.

Войдя вместе с Циммеровым в мою комнату, он сразу вытащил из кармана пиджака медицинский молоточек с черным ободком и велел мне внимательно смотреть на него. Чтобы сразу не разочаровывать лекаря, я послушно следил за перемещениями молоточка, напоминающими обряд освящения жилища, проводимый католическим священником.

— Ну что ж: зрительные рефлексы в норме! — сказал врач. — Приверим теперь двигательные рефлексы. Присаживайтесь, пожалуйста, и положите ногу за ногу!

— Спасибо, доктор! Но мне кажется, что я совершенно здоров!

— Так все считают! А между тем, абсолютно здоровых людей практически не бывает!

— Но у нас особый случай. Кошмары мучат не меня, а книгу!

— Книгу?

— Да, именно книгу! Вот эту, — я протянул доктору томик Чорана.

Он его внимательно осмотрел, потом перелистал, развернул веером и встряхнул над полом. Книга хранила молчание.

— Ничего не понимаю! Вы же сказали, что она заговаривается, — доктор обернулся к Циммерову.

— Так и есть! Она не только заговаривается, но и выкрикивает отдельные фразы. Особенно голосит по ночам! — пожаловался старик Циммеров.

— Но она же молчит! — сказал доктор, переворачивая туда-сюда книгу.

— Это она вас испугалась, — пошутил Циммеров и незаметно подмигнул мне, чтобы я продемонстрировал возможности необыкновенного издания.

— Позвольте, доктор, — я взял у него из рук книгу, и пошел с ней к шкафу.

Как только книга оказалась в своей нише, с полки раздался ставший уже привычным голос:

— Кричать имеет смысл только в кем-то сотворенном мире. Если творца нет, что толку орать, привлекая к себе внимание?

— А вы уверены, что вещает именно эта книга? — с трудом сохранив на лице всезнающую полуулыбку, спросил доктор.

— Судите сами! — сказал я и быстрым движением выхватил книгу с полки. Мы еще успели услышать, как она затихающим голосом произнесла:

— Спасение возможно только в имитации молчания...

— Разрешите... — доктор взял у меня из рук книгу.

Он снова повертел ее в руках, бегло пролистал ее сначала в прямом, а затем в обратном направлении, развернул гармошкой, как обычно делают, когда ищут спрятанную в книгу записку или банкноту. Потом, словно был гинекологом, а не невропатологом, раздвинул книгу пополам и стал смотреть в образовавшуюся в корешке щель. После чего еще сильнее разогнул книгу, так, что между переплетом и материей, на которую наклеивается книжный блок, образовался тубус, напоминающий подзорную трубу. Доктор посмотрел через образовавшуюся трубу сперва на меня, а потом на Циммерова. Что он высмотрел на наших лицах, осталось неизвестным, но полуулыбка напрочь исчезла с физиономии доктора. Он захлопнул книгу и молча протянул ее мне. Наступила минута тягостного молчания.

— Что ж, — наконец проговорил доктор, — вынужден признать, что ни спинного, ни головного мозга в данном случае не наблюдается. Отсутствует также и нервная система, в привычном понимании этого термина.

Он снова замолчал, вытащил свой молоточек, повертел его в руке и сделал вывод:

— Все вышеизложенное позволяет заключить, что данный клинический случай не относится к нашей епархии!

Мы со стариком Циммеровым недоумевающе переглянулись. А доктор продолжил:

— В конце концов, мы лечим неврозы человека, а не вещей! Если бы я стал лечить книги, мне бы самому пришлось обращаться к докторам!

Видимо, он остался довольным произнесенной фразой — все-таки данная сентенция могла быть отнесена к разряду диагнозов, и, следовательно, профессиональное реноме его не пострадало, — потому что лучшая полуулыбка вернулась на его лицо. Доктор молча пожал нам руки и откланялся.

Когда мы с Циммеровым остались наедине, мне трудно было удержаться, чтобы не задать старому столяру вопрос, занимавший меня последнее время. Но который, по соображениям этического порядка, не мог быть озвучен в присутствии постороннего человека.

— Не будете ли вы так любезны объяснить мне, с чего это вы решили, что книга нездорова? Посмотрите, как она прекрасно выглядит! Какой чудесный переплет! Все страницы целы и ничем не замараны, я даже не сделал на них обычных подчеркиваний и заметок на полях!

— А то, что она порой выкрикивает шалости, по-твоему, Борис Всеволодович, нормально?

— Помилуйте, какие шалости? До сих пор мы слышали только отдельные цитаты, так сказать, горькие силлогизмы автора!

— Ничего себе, силлогизмы! Это же бред нездорового воображения, точнее сказать, нездоровой книги!

– В таком случае, любое творчество можно считать плодом нездорового сознания. А Чоран к тому же стремился довести свои размышления до крайних состояний!

– И что же в этом хорошего, Борис Всеолодович?

– Как, что хорошего? Всякий раз, когда земной творец – будь то писатель, художник или ученый, – работает в пограничных областях, он способствует расширению наших познаний. Мы больше узнаем о мире и о себе! Возрастают возможности человека!

– А, на мой взгляд, возрастают только степень безумия! Люди перестают понимать друг друга! А непонимание всегда приводит к противостоянию, стычкам и вооруженным конфликтам.

В чем-то старый столяр был прав, и чтобы не превращать дальнейший разговор в противостояние двух противоположных точек зрения, в спор августа с декабрям, который неизбежно завершается громокипящим маев, пришлось перевести разговор на другую тему.

Больше в тот день ничего примечательного не случилось. Нарушившая наш покой книга провела ночь у меня под подушкой и не подавала никаких звуковых сигналов.

А на следующий день позвонили из «Дома печати» и сказали, чтобы зашел получить причитающиеся мне деньги, образовавшиеся в результате какого-то бухгалтерского перерасчета. Что было весьма кстати, ибо деньги, как известно, обладают уникальным свойством при большом количестве самостоятельно увеличиваться, а при незначительном – таять прямо на глазах. А я неумолимо приближался к одной из крайних точек колебания этого регулирующего нашу общественную и частную жизнь вечного маятника.

«Дом печати», под крышей которого на двенадцати этажах располагались различные редакции и издательства, за эти месяцы совсем не изменился. Всё тот же милиционер сидел на вахте. Правда, теперь он не встал по стойке «смирно» при моем появлении, как это бывало прежде, а поинтересовался, к кому я намерен пройти, и, получив ответ, не стал выписывать пропуск, а молча нажал на кнопку разблокирования турнiqueta, что, в общем-то, было своеобразной данью былому уважению.

В лифте со мной поднимались телевизионщики, которые всегда жили в своем мире и если интересовались чем-нибудь, то только тем, на сколько минут выпускающий редактор сократит их материал и как это отразится на размере гонорара. Мы с ними молча раскланялись, я даже не был уверен, в курсе ли они моих обстоятельств. Но уже одно то, что люди не задавали ненужных вопросов, было любезностью с их стороны.

На нашем этаже сотрудники редакции, завидев меня, делали ноги, чьи-то невидимые руки закрывали распахнутые двери кабинетов по мере моего продвижения в направлении бухгалтерии, находящейся в конце коридора. Обычно шумная и веселая редакция на глазах превращалась в мертвый дом, стихли даже голоса подчитчиков, читающих вслух корректорам верстку очередного номера.

Однако в бухгалтерии все было по-прежнему: главбух Надежда Марковна, опустив очки на нос, просматривала поступившие платежки и сортировала их по степени важности, бухгалтер Вика, девушка в возрасте, со сложной личной жизнью, нервно переносила разметку вышедшего номера в пожелтевший гроссбух, а кассир Люшенька листала номер «Комплигента» и, судя по отрешенному лицу, путешествовала в эмпиреях с каким-нибудь долларовым миллионером на его двухпалубной яхте.

Чтобы привлечь к себе внимание, мне пришлось даже кашлянуть. Увидев меня на пороге своей рабочей комнаты, сотрудницы бухгалтерии изобразили явно не показную радость.

— Борис Всеолодович, здравствуйте! Как давно вы не были у нас, — сказала Надежда Марковна, откладывая в сторону платежки.

— Ой, вы просто помолодели! — воскликнула Вика.

— И этот галстук вам очень к лицу, — отметила, в свою очередь, Люшенька.

— Спасибо, дорогие! Я тоже рад вас всех видеть в добром здравии и настроении!

Мне пришлось поздоровался с каждой из них за руку, соблюдая служебную иерархию

— Сейчас будем чай пить! Люшенька, организуй там... — скомандовала Надежда Марковна.

— А у меня и конфеты для такого случая есть, — сказала Вика, наклоняясь к своей тумбочке.

— Очередной поклонник принес? — с ноткой зависти спросила Люшенька.

— Вздыхатель, деточка, — с улыбкой Клеопатры произнесла Вика, доставая коробку конфет.

— Пожалуйста, пока не рассказывайте ничего интересного. Я быстро, — попросила Люшенька, убегая с чайником в руках за свежей водой.

— Не волнуйся, мы только немножко посплетничаем о наших взрослых проблемах, — сказала Вика.

Распивая чай и беседуя с любезными дамами, я невольно подумал о том, что в советской партийной печати, которую застал в последние годы ее существования, наиболее свободомыслящими всегда считались репортеры и сотрудники отдела публицистики и фельетона, а в постсоветские времена элементы фрондерства могут позволить себе в основном работники бухгалтерий и финансовых отделов. Вот и говори после этого, что в стране нет господствующей идеологии.

Когда через полчаса я снова оказался в редакционном коридоре, двери кабинетов были по-прежнему наглухо закрыты. Никто не прогуливался вдоль стен, не курил возле раскрытых окон, и даже на площадке возле лифта было пусто. Что ж, приходится в очередной раз констатировать, что в основе своей люди ничуть не изменились за последние несколько тысяч лет. Стали только по-другому одеваться и причесываться, да перебивать

запахи трусости и неуверенности в себе парфюром рекламируемых по телевизору марок.

Уже возле лифта, прежде чем нажать кнопку вызова, я услышал, что меня кто-то окликает по имени-отчеству. Я обернулся и увидел прекрасного молодого человека из молодежной редакции. Не сказать, чтобы у нас были дружественные отношения, они просто не могли быть таковыми в силу разницы в возрасте и занимаемого положения в структуре издательства, но мы всегда с симпатией относились друг к другу. Мне нравились его открытость, самостоятельность, умение, а главное, желание докапываться до сути описываемых проблем, тогда как большинство нынешних журналистов довольствуется поверхностным описанием происходящего у них на глазах, заменяя необходимые размышления игривыми фразами и сленговыми словечками, или просто нещадно цитируя ведомственные пресс-релизы. Кроме того, он много читал, и мы иногда обсуждали прочитанные книги и даже обменивались новинками.

— Борис Все́воловодыч, здрасте! Вы решили вернуться? Классно! — сказал он.

Было очень приятно увидеть на лице молодого коллеги не дежурную, а действительно радостную улыбку, и я с удовольствием пожал его руку.

— Нет, о возвращении не может быть речи! Заходил по своим делам в бухгалтерию.

— Жаль, мне кажется, что здесь многим вас не хватает. А как вы живете? Что сейчас читаете?

В его словах было столько искренности и человеческого участия, признаться, уже подзабытого мною, что заставило меня отбросить обычную сдержанность при общении с коллегами, и я рассказал ему о страдающей ночными припадками книге.

— И что вас так поражает во всей этой истории? — спросил меня любознательный молодой человек.

— Как что? Обыкновенная книга, можно сказать, реликт уходящей гуттенберговской эпохи, выкрикивает напечатанные в ней фразы! Разумеется, перед хозяином дома я не подаю вида, что это нонсенс, но сам порой сомневаюсь, не снится ли все это мне.

— И что в этом странного? Разве никому из нас не доводилось слышать выражения типа «данная книга рассказывает о том-то и том-то». И совершенно этому не удивляться! Более того, на основе подобной информации часто руководствуемся в вопросе включения того или иного издания в круг своего чтения.

— То есть тебе этот случай парапойей не кажется?

— Совершенно! Куда более странно и необъяснимо было бы, если бы некий том стал вещать о том, чего в нем нет. Вот это была бы уже клиника!

— Да, но обычно книги не вещают! Тем более, по ночам, когда все спят...

— И люди часто молчат, пока им не наступят на ногу! Или, предположим, вечером пристанет хулиган!

– То есть ты хочешь сказать...

– Именно! Некие форс-мажорные обстоятельства изменяют матрицу привычного поведения!

– Это понятно. Но какие могут быть неординарные обстоятельства у обычной книги?

– Мне казалось, что кто-нибудь другой, во всяком случае, только не вы, может утверждать, что книга – обычный предмет. Разве это простой товар, произведенный в типографии? Нет! Всякая книга имеет свою душу! И вы это знаете не хуже меня! Как икона с изображением Спасителя является частью божества, так и книга содержит частицу души писателя, создавшего ее.

– А румынский писатель Мишель Эмиль Сиоран, ставший французским классиком Чораном...

– Заслужившим право маркировать свои произведения одним именем. Как Стендаль, Вольтер, Аллен...

– ...имел чрезвычайно ранимую нервную систему...

– Заявлявший: «Человек – это раковая опухоль земли».

– ...и писал столь же нервные книги...

– Я бы уточнил: с выведенными наружу нервами. А в скобках добавил: данный образ вполне в духе его времени. Вспомните архитектуру музея современного искусства имени Помпиду с вынесенными на фасад коммуникациями. И поэтому нет ничего удивительного в том...

– ...что некий диссонанс...

– Именно!

– ...мог вызвать нервное расстройство, и даже истерику у книги.

– Что и требовалось доказать!

– Красиво!

– Рад стараться!

– Но!!!

– Не принимается никаких «но»! Вердикт окончательный!

– Вердикт выносят присяжные. А приговор оглашает судья!
А он вправе поинтересоваться: почему раньше книга не устраивала истерик?

– Элементарно, ваша честь! Не было соответствующего контекста!

– Какого контекста?

– Чужого угла, протекающей крыши, неприятного соседства... Каждое из этих обстоятельств могло сдетонировать и поодиночке, но, на славаясь друг на друга, они произвели эффект разорвавшейся бомбы!

Тут у него зазвонил мобильный телефон. Он посмотрел на экран телефона и, не отвечая,бросил вызов.

– У нас сегодня выпуск, а я – дежурный по номеру. Уже редактор разыскивает, – словно извиняясь, произнес он.

– Спасибо тебе! Ты мне здорово помог!

– Очень рад, если действительно смог чем-нибудь помочь!

Мы обменялись дружеским рукопожатием. И, уже убегая вверх по лестнице, он обернулся и сказал:

— Всё имеет рациональное объяснение, Борис Всеволодович! Самое простое — ссылаясь на непознанное, магию, религию или бесовщину!

— Полностью с тобой согласен! — крикнул я вслед удаляющейся спине.

Удивительно, но разговор с молодым коллегой, его приверженность разуму, вера в людей и себя, придали мне значительно больше энергии и внутренней силы, чем полученные в бухгалтерии деньги. Хотя, казалось бы, именно деньги должны были зарядить меня должной энергией, поскольку давали возможность несколько недель не думать о грядущем тупике. Я почувствовал, как уходит прочь плохое настроение и все чувства возрождаются для новой жизни.

Когда я спускался вниз по лестнице к выходу из «Дома печати», дежурный милиционер вышел из будки. Проходя мимо него, я не смог удержаться, чтобы не перевернуть фуражку на его голове козырьком назад. Ошарашенный милиционер автоматически вернул ее в прежнее расположение, хотел, как мне на секунду показалось, заломить мне руку и доставить в участок, но что-то в его голове защелкало. Он, видимо, решил, что не всякий человек решится на такой поступок, а только очень большой начальник, и то в прекрасном расположении духа, и он на всякий случай отдал мне честь.

Вернувшись домой, а квартира старика Циммерова, действительно, уже представлялась мне домом, я первым делом вытащил известную вам книгу из-под подушки и отнес ее на прежнее место в книжный шкаф. Как только поставил книгу на полку, она заверещала свое, по-видимому, наболевшее:

— Все великие события были спровоцированы сумасшедшими!

— Пой, ласточка, пой, — спокойно произнес я. — Тебе недолго осталось летать без гнезда!

После разговора с молодым коллегой мне впервые захотелось посмотреть на то, что он называл контекстом — окружение несчастной книги, те тома и фолианты, что соседствовали с ней на полке чужого книжного шкафа. Задать себе вопрос, почему я этого не сделал раньше, мне тогда и в голову не приходило, а сейчас могу на него ответить, только сославшись на свое тогдашнее общее упадническое настроение.

Итак, я обратил взор на книги, стоявшие рядом с томиком Чорана, и что же увидел? Пухлые тома Льва Гумилева, «Розу мира» Даниила Андреева и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина с множеством закладок убывшего за границу студента.

— В такой компании и сам сойдешь с ума, не заметишь, как начнешь нести всякую околесицу! — громко сказал я, ни к кому особо не обращаясь в пустой комнате.

— Я живу с непреходящим ощущением того, что нахожусь где-то очень далеко от того места, где действительно должна быть, — в ответ проговорила книга Чорана.

— Считай, что ты уже прибыла на станцию назначения, — успокоил я ее.

Я стал вытаскивать с полки так называемую философскую литературу прежнего жильца, а на ее место расставлять книжки из своей стопки – Хайдеггера, Ханну Арендт, Витгенштейна, Фуко и Делёза. Книга Чорана успела только на прощание произнести силлогизм о золотом правиле – оставлять свой образ незавершенным, и замолчала, если не навсегда, то, во всяком случае, надолго.

Наведя таким образом порядок в библиотеке, я вытащил свой ноутбук, и сел писать рассказ «Голос в ночи», решив описать в нем все, что случилось со мной в последние дни, и только немного изменив мотивировки происшедшего. «В любом хорошем детективе самые немыслимые происшествия должны бытьнятно объяснены читателю», – постоянно думал я, сочиняя этот рассказ.

Дальнейшая история, я думаю, хорошо известна всем читателям по многочисленным интервью и телепередачам, посвященным успеху в мировом, в том числе и российском прокате, голливудского блокбастера «Бунт разума», посвященного восстанию книг против погрязшего в поисках новых удовольствий и престижного потребления рода людского. Поставивший толчок к написанию киносценария рассказ «Голос в ночи» был опубликован в небольшом региональном литературном журнале и, в общем-то, не вызвал особых восторгов среди его читателей.

Подробное повествование о том, как этот рассказ попал на глаза крупнейшему продюсеру заокеанской фабрики грез и как дальше развивались события, все заинтересованные читатели могут найти во всемирной сети, где есть множество сайтов и форумов поклонников данного фильма. Мне же в заключение хотелось только отметить, что вся эта история свидетельствует о том, что и русские, не хуже американцев, умеют при желании делать деньги из воздуха, правда, наполненного ночными страхами и криками книг. Да, и еще сказать, что старику Циммерову, когда мои дела быстро пошли в гору, из американского гонорара были выделены средства на капитальный ремонт крыши всего дома. Так что в знакомой вам теперь квартире больше не протекает потолок и не слышныочные крики неспокойных книг.

